

ДНЕВНИК
ГАЛИ
ЗИМНИЦКОЙ

Блокадный дневник Гали - дневник чувственный, женский, несмотря на то что автору 14 лет. Перед новым, 42-м годом умирает от дистрофии первая Галина любовь. Год 44-й она встречает вместе с молодым офицером Володей, который отправляется после праздника сразу на фронт, шлёт оттуда письма... Удивительно, но блокадная катастрофа не гасит в Гале Зимницкой порывов открытой любви души...

«Ранней весной 1945-го письма от Володи перестают приходить» - об этом мы узнаем уже из позднейших записей Галины Карловны, которая спустя год после войны родила дочь и прожила длинную, до 1996 г., полнокровную жизнь: с любимыми людьми, театрами, путешествиями, работой одним из ведущих конструкторов ленинградского завода... В этой жизни всегда была оглядка на детские годы, на жуткое кольцо беды, в которой росла и раскрылась её женская душа.

Сам дневник Гали не сохранился: из «блокадной» квартиры семья выехала сразу после войны, потом было ещё много переездов, и тетрадь с записями затерялась... Галина Карловна восстанавливала её уже в мирное время, по памяти, день в день: писала много черновиков, сверяла вехи своей личной истории по датам исторических сражений, перепечатывала на машинке, переживала... «Для мамы это было очень важно, так же важно, как и для меня сейчас, - сквозь слёзы говорит её дочь Инна. - Однажды она предложила свой дневник для публикации, но тогда ей сказали, что спасибо, не нужно, слишком много уже этой памяти, зачем ворошить... Меня очень трогает, что сейчас мамин дневник оказался нужным, что этот документ прочтёт не только её внук... Ведь памяти лишней не бывает».

1941, 22 июня. Война! Когда по радио зазвучали тревожные слова, мы с бабушкой Сашетой были одни в квартире. Мама и отчим уехали к друзьям на взморье. Я лихорадочно искала резиновую купальную шапочку и не вникла в смысл слов. Во дворе нетерпеливо галдели ребята, поджидая опаздывающих. День был жаркий, и всем хотелось купаться. Бабушка поймала меня за руку и сказала трясущимися губами: «Галюша, война!». Я прислушалась: «Гитлер... Германия напала... без предупреждения... вероломно...». Тогда я подошла к окну и крикнула: «Ребята, война!». Купаться в этот день мы не поехали. (...)

28 июня. При ЖАКТе (в доме у станции Ланская, где музей-квартира В. И. Ленина) оборудовали комнату под медпункт. Из медикаментов пока есть только бинты, вата и йод. Здесь также организовали дежурства, в которые включили и нас - девочек. Врач Екатерина Александровна (мать моей подруги Нади Рыбаковой) ведет санитарный кружок. Учит нас оказывать первую помощь раненым. Мы перевязываем друг друга. Занятия проходят весело. Не обошлось и без смешного случая. Когда мы учились на Ире Малиновской делать перевязку головы (нога у нее уже была забинтована с наложенной шиной), вошла Ирина мама, тетя Леля, и в ужасе бросилась к дочке. Она подумала, что Ира пострадала всерьез.

Не верится, что будут настоящие раненые. Во время воздушных тревог спокойно.

У наших ребят появилась «болезнь» - учиться танцевать. Теперь собираемся там, где дома нет родителей. У нас четыре пластинки: «Утомленное солнце», «Рио-Рита», «Брызги шампанского», «Кукарача». Но танцевать нам удается редко, так как нет подходящих условий. Вчера я уговорила свою Сашету, обещала после танцев вымыть пол. Собралось семь человек. Я танцевала больше с Лешей Жуковским. Геня Прокопюк пригласил только один раз. С тех пор, как в нашем дворе появилась Верочка Гладкова, все наши мальчики обращают свое внимание на нее. (...)

10 июля. Наши старшие товарищи постепенно исчезают. Ушли добровольцами на фронт Сережа (брат Люси Курьяк), Рома Подскачий, Коля Жуковский (брат Леша), Коля Герасимов, Тоня Осипова, Луся Лулева. Теперь во дворе не играют в волейбол, не стоят ребята у парадной двери, за что их раньше многие осуждали. Остались мы - подростки от 12 до 16 лет. Да и нам стало не до игр. Другие дела и заботы отвлекают нас от бездумной жизни, тревожат наши детские души. (...)

20 июля. Много говорим о делах на фронте. А дела эти не радуют. По-

дошел к нам тот самый милиционер дядя Саша. Сказал, что нам пора идти домой. Еще рассказал, что сейчас враги засылают в город шпионов распространять ложные слухи об успехах фашистов под Ленинградом, сеять панику среди населения. Надо быть бдительными и, если что заметим, сразу сообщить ему или в милицию.

В небо поползли раздутые, темные на фоне меркнувшего заката аэростаты. (...)

Вот уже месяц идет война. А кажется, прошел год. Говорят, на оборонных работах есть жертвы обстрелов. От наших нет никаких известий. Бабушка тайком вздыхает, я же ее подбадриваю, говорю, что такие слухи распускают шпионы. (...)

30 июля. Сегодня мама и дядя Миша пришли с работы очень расстроенные (они работают на заводе «Прогресс»). Им объявили, что завод срочно эвакуируют. Ехать нам всем. Сердце мое оборвалось от такого сообщения. Уехать из Ленинграда! Расстаться с ребятами, со всеми нашими делами! Для чего я училась перевязывать раненых? Для чего мне дядя Миша принес детский противогаз? И вдруг бабушка, моя милая Сашета, заявляет, что она остается в городе и не сдвинется с места, что бы ни было. Тогда я тоже заявляю, что остаюсь с бабушкой. На протест мамы у меня истерика. Давно я так не ревела! Родители опешили и ушли в спальню совещаться. Что будет? Я твердо решила не ехать.

2 августа. Мы с бабушкой «перетянули». Мама и дядя Миша остаются с нами. Оказывается, на заводе продолжают работать некоторые цеха, изготавливающие продукцию для ленинградского фронта. Мама работает на револьверном станке, она нужна здесь. Отчим - настройщик станков - тоже пригодился. Все уладилось, родители повеселели. Они признались, что тоже не хотели уезжать. (...)

15 августа. С каждым днем мне все труднее писать дневник. Неужели брошу? Правда, эти дни проходят однообразно, без особых событий. Дежурства в медпункте идут своим чередом, занятия кончились с отъездом Екатерины Александровны. Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых. Хотя это глупо.

Вчера уехали из Ленинграда две семьи, а значит, мы попрощались с Гаем Шевеленко и Володей Пашко. Гай начитанный мальчик, всегда делился с нами самым интересным, советовал, что прочитать. У него была мечта, даже цель - стать танкистом. Володя был нашим затейником в



«Я твёрдо решила не ехать», - запишет Галя в дневник, и, как будто волею маленькой девочки, семья останется в блокадном городе. Выживут не все.
Фото из архива И. Черноморской.

играх. Любую игру он превращал в театрализованное представление. А что он вытворял на качелях «Гигантские шаги!» Правда, иногда на Вовку находило, и он начинал задираться: дергал меня за косы, больно бил мячом по ногам. «Володька, ведь больно!» - взывала я со слезами в голосе. Однажды Ира мне сказала, что это у Володи так проявляется симпатия ко мне: «Он в тебя влюблен, а ты не замечаешь». Конечно, я не замечаю, потому что больше поглядываю на Геню. Он притягивал меня с раннего детства. Бабушка это замечала и часто говорила: «Иди, иди во двор, этот белобрысый Генька уже давно там».

21 августа. Мой день рождения. «Стукнуло» 14 лет.

Сегодня все читают в газетах и говорят об обращении Жданова и Ворошилова к ленинградцам... В обращении говорится об опасности, надвигающейся на нас. Значит, на фронтах стало еще хуже. У всех на лицах боль и тревога. Но в городе все спокойно, никакой суеты. Работают магазины, кино, театры. В центре города витрины больших магазинов завалены мешками с песком и обшиты досками. На шпиль Петропавловского собора надели чехол серого цвета, над некоторыми домами натянуты маскировочные сетки, а стены больших зданий разрисованы пятнистыми желто-зелеными разводами. В парках, скверах и на газонах прорыты щели или траншеи. Тревоги замучили своей частотой. Но пока не бомбят.

13 сентября. 9 сентября разбомбили Бадаевские склады с большим запасом продуктов питания и аттракцион «Американские горы», где тоже были укрыты запасы муки и крупы. С продуктами стало совсем плохо. Еда очень скудная и однообразная, а аппетит увеличивается с каждым днем. Мама берет с собой на работу бидон под суп. Суп дают в заводской столовой, но родители его не едят, приносят домой. Сашета говорит, что она еще не чувствует недостатка в еде. А я уже чувствую, да еще как! (...)

22 сентября. Сегодня к нам пришла Евгения Трофимовна. Эта седая старушка, бывшая барынька, очень несчастна в своей судьбе. Когда-то еще до революции она с семьей жила в городе Старый Оскол. Всей семьей мечтали перебраться в Петроград, но это не удавалось. Наконец, незадолго до революции, их мечта осуществилась: муж получил перевод в город их мечты. Но вскоре после переезда он погиб в железнодорожной катастрофе. Заболела скоротечной чахоткой и умерла единственная дочь. И вот Евгения Трофимовна одна. За много лет она не нашла дру-

зей, и оказывается, что мы теперь для нее - самые близкие. До войны Е. Т. шила мне платья, перешивала мамины старые пальто. И вот теперь, в возрасте 76-ти лет, она попросилась к нам в семью.

За обедом, обсудив ситуацию, мы пришли к выводу, что надо хоть немного согреть ее одинокую старость. Дядя Миша спустился к ней на второй этаж и принес холщовый чемодан, большую корзину и еще кое-что из необходимых вещей. Е. Т. принесла красивую старинную деревянную шкатулку с документами и дорогими письмами. Я уступила ей свой диван и перешла спать на раскладушку. Бабушка дала мне шикарную перину. Если не лениться и взбивать ее хорошенько перед сном, то получаешь ощущение возлежания на облаке. (...)

7 октября. (...) У дома дяди меня окликнула его дочь Зоя. У нее было печальное лицо, в глазах стояли слезы. Несколько дней назад пропал их любимый кот Кузька, а сегодня нашли за дровами его ярко-рыжую голову. Мне иногда попадались на глаза кошачьи головы, но только сейчас дошло, что начали есть кошек. Собак тоже не видно.

10 октября. (...) На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг, посмотреть, что там есть. Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и кокетливыми резиночками по бокам. Купили себе по купальнику. Продавщица смотрела на нас как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто надеемся дожить до мирных дней.

Однако наши опять отстают: войска оставили город Орел.

15 октября. (...) Дядя Миша подшучивает над мамой, называет ее «лапушкой» или «горошинкой». Мама - маленького роста. До войны она была полненькая, но теперь сильно похудела и подурнела. Отчим же словно и не замечает этого - все Лапушка да Горошинка! Трофимовна почти не сходит с дивана. Стол специально придвинули ближе. Сядет, поест, попьет и опять на боковую. Она говорит, что голода совсем не чувствует. Ест мало, больше пьет чай с сахаром вприкуску. Сахара и чая у нее свой запас. Лицо у Трофимовны розовое и круглое. Пожалуй, из всех нас одна она не изменилась. Бабушка постепенно, медленно худеет, но ей худеть до дистрофика еще долго: полноты у нее было на троих. Сашета меньше нас страдает от недостатка питания и находит в себе силы делить продукты на два-три дня, а не съедать их сразу. В этом она у нас признанный командир. (...)

21 октября. Вчера в Лесотехническом парке поймали ракетчика. По-

могли милиции наши мальчишки. Не знаю, как они там оказались. После того налета, когда из парка вынесли не один десяток трупов, мы туда больше не ходили. Боялись, что в каждой траншее нам будут мерещиться убитые. И все же Геня, Дима и Алешка бегали там и заметили, что около одной траншеи набросаны горелые спички и окурки. Это показалось им подозрительным, и они сказали об этом нашему милиционеру. Там устроили засаду и поймали вредителя на месте преступления, когда он выпускал очередную, оказавшуюся для него последней, ракету. (...)

26 октября. Побывали в двух госпиталях, но нас не взяли из-за возраста. Потом пошли в третий большой госпиталь, который разместился в Лесотехнической академии. Наконец, удача - нас согласились взять писарями, так как многие раненые не могут сами писать письма. Завтра идем с Верой. Я очень волнуюсь. Ведь надо найти в себе силы не показать жалости, не волноваться.

28 октября. В госпитале все обошлось лучшим образом. Привели меня с Верой в палату, где лежали бойцы с забинтованными руками или ногами, были и с завязанными глазами. Однако атмосфера в палате была не унылая, а вполне нормальная, и волнение мое сразу же прошло. Раненые нас приветливо встретили, стали расспрашивать, как мы учимся, интересовались всеми подробностями жизни города. Быстро освоившись, мы принялись писать под диктовку раненых письма. В тот вечер я написала четыре письма, стараясь не делать ошибок.

30 октября. (...) Иногда нам дают несложную работу: скручивать бинты, делать тампоны. Один раз мыли посуду. Взрослые стараются угостить нас чем-нибудь. Но мы с первого дня отказались от еды, и это остается непреклонным. Медсестра уговаривает нас поесть, говорит, что хлеб остается от пайка тяжелобольных или умерших. Но мы не поддаемся, хотя есть очень хочется. Боимся, как бы не подумали, что мы ходим в госпиталь из-за еды.

2 ноября. Старшей медсестре надоело с нами воевать по поводу еды, и она пожаловалась начальству. Главврач был немногословен: «Не будут есть - не пускайте в госпиталь». И сразу стало легче. Теперь мы не испытываем мук отказываться от каши или хлеба.

6 ноября. Сегодня я узнала, что наш милиционер дядя Саша ушел на фронт. А несколько дней назад он взял у меня на время электрический фонарик (память об отце).

Мне стало так жалко свой фонарик, что я чуть не заплакала. «Бес-

совестный, не мог вернуть чужую вещь», - ругалась я под грушей. «О чем ты говоришь! - возмутился Геня. - Может быть, твой фонарик Саше жизнь спасет, а тебе жалко». Я прикусила язык. Как всегда, Геня прав.

Забыла написать, что нам пришло несколько писем с фронта с благодарностью за посылки. Первое письмо пришло тете Насте из 19-й квартиры. Молодой боец писал ей о том, что у него нет родных и близких, а он очень хочет переписываться с девушкой. Тетя Настя передала это письмо Леле Феркович. Теперь Леля читает нам письма с фронта. В письмах солдат Сеня описывает боевую обстановку, рассказывает о страданиях людей, находящихся на оккупированной территории, о голодных и оборванных детях, пробирающихся под пулями к своим, на передовую позицию, за куском хлеба. (...)

10 ноября. Сегодня опять убавили хлебный паек. Из-за этого за вечерним чаем произошел неприятный разговор. Мама объявила, что с завтрашнего дня дядя Миша будет есть свой паек полностью. А она будет делить свой хлеб со мной и бабушкой. Отчим беспомощно заморгал глазами (у него замедленная реакция), потом быстро выпалил:

- Я не согласен!

- Ты будешь полностью есть свой хлеб, - упрямо твердила мама.

- Я не могу есть один свой хлеб, Зина.

- Сейчас не время играть в благородство, ты мужик, тебе надо в десять раз больше, чем дают теперь.

- А Галя растет! - возражает отчим.

- Галя подкармливается в госпитале, - не уступала мама.

В этот момент завывла сирена, мама заторопилась на лестницу, встал и отчим. (...)

17 ноября. Сегодня мама не пустила меня в школу. Причина - женский день в «круглой» бане, что бывает не так уж часто. Мы удачно помылись и только вошли в свою квартиру, как наш дом заходил ходуном. Стрельба зениток началась одновременно с сигналом тревоги, и сразу посыпались бомбы. Все началось и кончилось за какие-нибудь пять минут.

После отбоя я побежала к школе. Там уже стояли наши машины скорой помощи. В них грузили носилки с ранеными ребятами, сажали раненых учителей. Бомбежка застала школьников, когда они шли к щелям через Сердобольскую улицу. Убило одного мальчика, который замешкался и стоял, когда все залегли. Тяжело ранило нашего Павла Петро-

веча. Он тоже стоял на дороге и подгонял детей в укрытие. Не везет же человеку! Много жертв было у станции Ланская. Трупы отнесли за забор, а двое дежурных с красными повязками поджидали машину. Из-под забора текла кровь прямо на панель. (...)

2 декабря. В госпитале вылетели все стекла, в палатах мрак от фанерных заплат в окнах. Большинство раненых, особенно тяжелых, находятся в бомбоубежище. Срочно ликвидируются последствия налета: вставляются стекла, штукатурятся потолки и стены (местами отвалились большие куски штукатурки).

Медсестра Таня рассказала, что в ту ночь им здорово досталось. От взрывной волны упали и разбились керосиновые лампы, в двух местах начался пожар, который в суматохе не сразу заметили. И все же огонь погасили своими силами до прибытия пожарных. Один раненый признался мне, что ему на фронте не было так страшно, как здесь: там все ясно, где враг, откуда бьют, куда стрелять, а тут чувствуешь себя загнанным зверем... Я до позднего вечера помогала убирать мусор из палат, выносила во двор битое стекло, штукатурку, обрезки фанеры.

3 декабря. У нас дома разыгралась настоящая драма. Пришла женщина из квартиры № 3, жена сапожника, мы даже не знаем, как ее звать. Она стала просить маму (бабушка была на работе) спасти ее детей от голодной смерти. Женщина почему-то решила, что у нас есть запас продуктов, и умоляла маму насыпать ей хоть немного крупы.

«Розочка умирает, не откажите в помощи», - просила женщина, протягивая чашку. Мама сначала растерялась, стояла и молчала, а женщина, приняв ее растерянность за нежелание поделиться крупой, продолжала умолять маму, стоя на коленях. Тогда мама опомнилась и открыла все дверцы старого буфета и кухонных столов.

- Ищите, ищите, - говорила она. - Что найдете - все ваше...

На полках была идеальная чистота и пустота.

- Да встаньте же с колен!

Но женщина не могла подняться. Мы с мамой взяли ее под руки и посадили на табуретку.

- Разве Вы не заметили, что мой муж еле ходит? Откуда у нас могут быть продукты? - с мягким укором говорила мама.

- Александра Викторовна всегда была очень практичной хозяйкой, и мне казалось... - женщина не договорила. Поверив, что у нас действительно ничего нет, она заплакала, закрыв лицо руками.

Кстати, о наших «запасах». Если не считать наволочку сухарей из всевозможных недоеденных кусочков белого и черного хлеба, которые Сашета не выбрасывала, а подсушивала над плитой (не из-за экономии, а по убеждению, что хлеб грешно выбрасывать), ничего у нас не было. Но и эти сухари уже давно съедены.

4 декабря. Голод сосет днем и ночью. Дядя Миша едва передвигается: у него ослабли ноги. Мама изменилась до неузнаваемости. Бабушка высохла вся и сгорбилась, но стала подвижнее, чем была. Кожа на ее лице и теле висит тощими складками. Сашета работает в общежитии трампарка им. Калинина кастиеляншей, стирает постельное белье, по ночам сушит сырую одежду и обувь. В общем, пропадает там сутками. Так как трамваи не ходят, то вагоновожатые и кондукторы сейчас заняты на разных работах: расчищают дороги от снега, заготавливают дрова и т. п. Теперь бабушка получает рабочую карточку, но, к сожалению, кроме хлеба по карточкам в магазине пока ничего нет.

Я уже много раз видела, как возят на саночках гробы или зашитые в простыню трупы по направлению к Шуваловскому кладбищу.

У меня образовался нарыв под мышкой. Мама говорит, что это от неправильного обмена веществ. Дядя Миша шутит: «Это от отсутствия каких-либо веществ».

6 декабря. Мама собрала вещи, которые можно обменять на продукты на «черном» рынке. В первую очередь она взяла каракулеву шапку и полупальто дяди Миши. «Господи! - воскликнула бабушка. - В чем же он у тебя ходить будет?». «Лишь бы ходил, а в чем - это уже второй вопрос», - ответила мама. С рынка она принесла маленький мешочек пшена и буханку совсем черствого хлеба. «Господи, - опять воскликнула бабушка, - ведь это же ворованный хлеб! За такое сейчас расстрел, и ты пойдешь как сообщница. Зина, неужели ты этого не понимаешь?». «Понимаю. Но я не могу смотреть, как мы все приближаемся к смерти. Буханка, может быть, и не ворованная, а паек рабочего с хлебозавода. Ты видишь, какая она черствая?» - возражает мама. Бедная моя честная Сашета, как же нам выжить?

7 декабря. Встретила в булочной Люсю Курьяк. Она сказала, что ее отца направили от завода работать в похоронной команде. В городе есть квартиры, где лежат неубранные покойники. Особенно много таких квартир в центре города. Людей там губит не только голод, но и холод, так как нет дров: до войны обогрелись паровым отоплением. Сожгли

мебель, книги, но этого слишком мало для суровой блокадной зимы. (...)

11 декабря. Днем в булочной видела ужасную сцену. Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу. Самое ужасное в том, что никто не заступился за ребенка. Полежав немного, воришка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, может быть, совсем одинокий. Сейчас мне его жалко до боли в сердце. Где же я была тогда? Стояла, смотрела и молчала. (...)

13 декабря. Большая победа наших войск под Москвой! Ради такого праздника мама устроила банный день. Натаскали воды из пруда, хорошо протопили плиту, нагрели целый бак воды. Мылись в корыте. После мытья все порозовели и похорошели. За скудным обедом шутили и смеялись. Особенно веселым был дядя Миша. Он гордился победой под Москвой. Это уже настоящий успех! Мы радовались как дети. Евгения Трофимовна перекрестилась. Эта она молится за нас. Себе она желает только скорой смерти, чтобы не быть нам в тягость. (...)

24 декабря. У Иры Малиновской умерла мама. Вчера поздно вечером Ира прибежала за мной. Тетя Леля лежала одетая на диване и часто, часто дышала. Слабо улыбнувшись мне, она положила руку на грудь. «Сегодня мама отработала две смены», - сказала Ира. Вскоре тете Леле стало совсем плохо, она не открывала глаз. «Может быть, это голодный обморок?» - предположила я. Ира пожала плечами: «В доме ничего нет». Потом она, что-то вспомнив, вышла на кухню. Вернулась Ира с бутылкой в руках. На ее дне темнел портвейн. Тетя Леля открыла глаза и пристально посмотрела на Иру. Та влила ей в рот чайную ложечку вина. Пульс стал чаще. Когда он пропал, Ира дала маме еще вина. Жизнь опять вспыхнула, затрепетало сердце.

Так было, пока не кончилось вино. Тетя Леля умерла, не сказав ни слова. Милая, красивая, ей не было и 36-ти лет. Ира осталась одна.

26 декабря. (...) По дороге домой мы видели на снегу мертвую молодую женщину. Она лежала на проезжей части Лесного проспекта, видимо, упала с воза, когда сани с покойниками накренились на ухабе. Сначала нам показалось, что это лежит манекен из разбитой витрины магазина - так красива была эта женщина. На ней было темное легкое платье с глубоким вырезом. Красивые смуглые руки были сложены на груди, как у певицы. Великолепные темные волосы разметались по грязному снегу.

Удивляло ее прелестное, не исхудавшее, чуть скуластое лицо с густыми ресницами. Мы с мамой стояли и смотрели с большой жалостью на эту погибшую красоту, а мимо шли люди и никто не останавливался, не удивлялся ни красоте этой женщины, ни тому, что она лежит посреди дороги. Да это и понятно. Стоят сильные морозы, и люди появляются на улице закутанные в несколько шарфов, платков. Идут сгорбленные и смотрят себе под ноги, чтобы не упасть. Если кто упадет, то не всегда сможет подняться. Где уж тут оглядываться по сторонам. (...)

29 декабря. В парадном встретила Генину маму. Поздоровались.

- Приходи с Геней попрощаться.

- А куда вы уезжаете?

- Никуда. Он умер.

Тетя Настя спокойно это сказала, а я тупо уставилась на нее.

- Если хочешь попрощаться, приходи сегодня. Завтра, рано утром, повезем на кладбище.

Я пришла домой и, не раздеваясь, плюхнулась на стул. Геня умер? Геня умер! Вот и конец моей первой детской привязанности, может быть, даже любви. Уж очень мне нравился этот веселый, умный мальчик. Он научил нас быть добрыми, ценить дружбу. Я сидела и думала о Гене как о живом и не могла представить его мертвым.

Прощаться с ним я не пошла, пусть останется в моей памяти только живым. И если мне суждено будет выжить, то я его никогда не забуду.

31 декабря. Через несколько часов Новый год. Но ничто не напоминает об этом. Попив горячей воды с кусочком хлеба, наши домочадцы разошлись по своим комнатам. Я лежала в постели и вспоминала о довоенных новогодних приготовлениях... Вот мы с мамой принесли домой большую пушистую елку. В квартире густо запахло смолой. Обеденный стол сдвинут к стене и завален елочными игрушками. В муфточки, коробочки и сумочки засыпаем драже и театральный горошек. Шоколадные конфеты в нарядных фантиках вешаем на елку вместе с игрушками... Стоп!

Я вдруг вспоминаю, что большие длинные конфеты, похожие на хлопушки, сохранились из-за яркой красочной обертки. Их уже года два-три вешали на елку. В обертках была пастила, поэтому конфеты были легкими и не оттягивали елочные лапки. И вот я осознала, что такое сокровище лежит в коробке с игрушками. С воплем «ура!» соскакиваю с постели, зажигаю коптилку, стаскиваю со шкафа коробку и добываю драгоценные конфеты. Их пятнадцать штук!

Мама и бабушка радостно удивляются. Дядя Миша проснулся, но еще не понимает, что случилось. Я ему объясняю. Одеваемся и садимся за стол. Трофимовна отдает нам свой последний чай. Всем досталось по три конфеты!

- Давайте съедим их сегодня все!..

Сашета, экономная, как всегда, две конфеты убрала в буфет. Хоть пастила высохла в сухарик, все равно вкусно. И по-праздничному. Горит керосиновая лампа. С Новым 1942 годом! С новыми нашими победами на фронте! Сейчас все хотят только этого. Это первое и главное пожелание друг другу.

А наш милый Геня навсегда остался в 1941 году.

1942

8 января. Утром на лестнице меня поджидала тетя Соня, мать двух маленьких девочек. Она протянула мне три карточки и попросила принести выкупленный хлеб пока к себе домой. «А довесочки можешь съесть. Я потом все объясню», - торопливо сказала она. Оказалось, что ее муж съедает все, что находит в доме. Куда только ни прятала Соня от него хлеб. Но стоит отвернуться, хлеб бесследно исчезает. А вчера, не стесняясь детей, отобрал жалкий паек прямо на пороге. Дети обречены на голодную смерть.

Помню, как до войны этот молодой отец гулял в парке со своими девочками. Он был очень внимателен к ним и постоянно следил, чтобы дочки не забегали далеко, не промочили ноги. В голове не укладываются его сегодняшние поступки. Наверное, он свихнулся от голода.

Тетя Соня приводит дочек к нам. На девочках нарядные яркочерные фланелевые платьица в белый горошек. Ужасно их жалко! Девочки такие грустные и тихие. Пьют кипяток, макают свои крохотные пальчики в соль, и откусывают хлеб маленькими кусочками.

Господи, когда все это кончится?..

10 января. Вчера забежала к нам Верочка Писакина. Я ее не видела недели две, хотя живем в одном доме. Из румяной полненькой девочки Верочка превратилась в худого бледного подростка. Вера пришла по делу. Умер отец Леши Жуковского. Леша лежит в больнице, и поэтому его мама, Елена Ивановна, просила всех ребят, кто может, свезти покойника на Шуваловское кладбище. Сама она, больная и слабая, не может. О могиле она договорилась и заплатила хлебом, могильщик поможет похоронить.

Я, конечно, согласилась. И вот сегодня утром мы двинулись к Шуваловскому кладбищу. Гроб везли на двух санках. Впереди тянули Нина и Вера, а я палкой подталкивала сзади. Везли гроб мы медленно, так как сами слабые. На Поклоной горе совсем выбились из сил и решили передохнуть. Вдруг завывала сирена. Тревога. Ее так давно не было. Где-то далеко забили зенитки. Мы поторопились закончить свой путь. До кладбища было еще довольно далеко. Теперь на дороге уже не задерживают и не отправляют в убежище. Мы, подгоняемые стрельбой зениток, спешили туда добраться.

На кладбище, в условленном месте, мы не нашли ни могилы, ни могильщика. Контора была закрыта, на наш зов никто не отозвался. Ходить по кладбищу было жутко, так как за оградами и на дорожках лежали зашитые в простыни незахороненные трупы. Они были похожи на куколки какого-то огромного насекомого. Нам пришлось оставить гроб, не предав его земле, и отправиться домой.

Мы не стали расстраивать Елену Ивановну, сказали, что похоронили нормально и место могилы хорошо запомнили. Как мы выйдем потом из этого положения? Елена Ивановна пригласила нас на поминки, но мы отказались, сославшись на усталость. Отчасти не хотелось объедать слабую женщину, да и не было настроения из-за вынужденного обмана. (...)

19 января. Я стояла у квартиры № 9 и стучала каблуком в дверь. Надо узнать, что с Димой Шокиным. Еле расслышала слабый голос, говорящий, что дверь открыта. В темной и холодной комнате на кровати лежит Диминая мама. Она и до войны была маленькая, как девочка. Сейчас ее можно было принять за ребенка.

- Где Дима? - спросила я, наклонясь к ней.

- Он умер. А что ты хочешь?

- Да так, давно его не видела. Геня Прокопюк тоже умер.

Диминая мама вздохнула.

- Мужа убили на фронте, Дима умер, я не могла его спасти. Теперь хочу скорее умереть сама.

Я предложила истопить печку, согреть воды, сходить за хлебом. «Спасибо, - сказала Диминая мама. - Не надо». И отвернулась к стене. Я ушла.

29 января. Мы с мамой ходили за водой, а когда вернулись и взглянули на себя в зеркало, то удивились своим покрасневшимся, румяным лицам. Особенно неестественно выглядел румянец на худом, обтянутом

кожей мамином лице. Дядя Миша сидел в большой комнате у печки и разговаривал с Трофимовной. Мы очень обрадовались: значит, ему стало лучше! Я подошла и протянула руки к огню. Глаза мои встретились с глазами отчима. Я внутренне содрогнулась от его какого-то тоскливого и завистливого взгляда. Дядя Миша сидел, положил руки на палку, и смотрел на меня со смешанным чувством надежды и печали, потом с уверенностью сказал, что во мне еще много жизни, словно упрекнул. И есть за что. Ведь это мы с бабушкой восстали против эвакуации, и еще, осенью, когда дядя Миша был в силе, ему предлагали ехать на Большую землю валить лес, он отказался из-за нас, не захотел оставить женщин одних, думал, что с ним маме будет легче. А вот теперь сдал первый. (...)

3 февраля. Мама опять ушла стоять в очереди, бабушка - на работу. Я, как всегда, уселась дяде Мише в ноги. В окне красное расплывшееся солнце висело над крышами. Отчиму было не по себе. Он долго крепился, потом сказал: «Галя, мне очень больно в груди, словно там горит огонь. Я мучаюсь, не могу больше терпеть, дай мне бритву, я перережу себе вены». Я испуганно уставилась на него. «Если ты меня любишь, прошу, дай бритву». Я его, действительно, люблю, но не могла сделать то, что он просил, и громко заплакала. Дядя Миша опомнился, стал меня уговаривать не плакать и не бояться. Хорошо, что мама вскоре вернулась. Я ей все рассказала. «Он скоро умрет, - грустно сказала мама, - он погубил себя какой-то жидкостью, потихоньку сосал, а бутылочку я под подушкой уже пустую нашла. У него, видимо, сожжен пищевод».

Мама раздобыла лекарство, от которого боль в груди у дяди Миши стихала, и он засыпал. Есть он уже не мог, не проглотить было даже суп. «Я боюсь с Мишей спать, - сказала мама, - боюсь, что проснусь, а он уже холодный». И стала спать с бабушкой. (...)

7 февраля. Сегодня, когда я дала отчиму лекарство, он подмигнул мне и сказал, что «лапушка» боится с ним спать. «Я ее понимаю, Галченок, все правильно».

Ночью я проснулась от того, что мама тихонько разговаривала с бабушкой, они искали пятаки. Смутная тревога коснулась меня и отлетела. Я заснула. А утром узнала, что умер дядя Миша. Вот и в нашем доме покойник. Его положили к холодной стенке на два стула и доску от раздвижного стола, загородили ширмой. Мама сказала, что не отдаст его в общую могилу, а похоронит на Шуваловском кладбище, рядом с первым мужем (моим отцом).



Вот так тянулась вереница ленинградцев к Дороге жизни через Ладожское озеро - в общей сложности через него за годы блокады было эвакуировано порядка 659 000 человек. Фотохроника ТАСС.



А это «дорога смерти» - за годы блокады в Ленинграде, по разным данным, погибло от 600 000 до 1 500 000 человек, из них только 3% от артобстрелов и бомбёжек, а 97% - от голода. Фотохроника ТАСС.

8 февраля. Сегодня мама ходила на кладбище, чтобы нанять выкопать могилу. Хлебный паек дяди Миши прикапливали для расходов на похороны. У кладбища маму встретил пожилой мужчина и предложил выкопать могилу за 600 граммов хлеба. Долго долбил мужичок лопатой промерзший слой снега, но до мягкой земли не мог добраться. Мама озябла и забеспокоилась, что засветло он не успеет справиться. Но работник упрямо, изо всех сил тюкал лопатой - уж очень ему хотелось заработать хлеба. Наконец, он изнемог и, сев на сугроб, виновато посмотрел на маму. Она пожалела его и дала кусочек хлеба, а сама пошла искать другого работника. Второй мужичек оказался сильнее, он, видимо, был не новичок в этом деле. Быстро сколол ломом смерзшийся снег, а рыхлая земля с песком уже сама сыпалась ему в лопату.

9 февраля. На следующий день после смерти отчима управдом привел к нам на жительство беженку Аню с четырехлетней дочкой Тamarой. Они жили недалеко от Кировского завода, их дом разрушил снаряд. Расселяли беженцев по всему нашему дому, но Аня не пошла в пустую квартиру, попросилась к людям. Когда она вошла, мама замялась, не зная, что сказать насчет покойника. Однако Аня не смутилась. «Сейчас везде покойники», - сказала она. И даже пообещала помочь с похоронами. Аня - довольно крепкая для блокадных дней молодая женщина. Вечером мама и Аня зашили покойника в плотную бежевую штору: Аня уговорила маму не покупать гроб. «Шутка ли сказать, отдать целый килограмм хлеба за лишнюю тяжесть, которую самим же придется тащить», - заявила она.

Теперь на папиной колонке со звездой будет выбито и имя Громова Михаила Абросимовича. «Разве думали два друга, что им придется лежать рядом и так скоро», - вздохнув, сказала мама. Слез я у нее не видела. (...)

23 февраля. (...) Как ни странно, вскоре у нас появились бельевые вши. Эти гадкие насекомые прячутся в швах и складках нижнего белья, их укусы очень чешутся.

Откуда они взялись? Теперь в свободное время нас можно застать за таким занятием: снимаем с себя белье, выворачиваем наизнанку и тщательно просматриваем. Хорошо бы прогладить горячим утюгом, но увы...

Нам два раза в месяц будут выдавать постное масло и сахар, а хлеб и котлету - каждый день. Раздачей заведует старшина Тоня, приятная и улыбчивая девушка.

Голодная смерть нам теперь не угрожает, но голод, сосущий голод, терзает, как и прежде. Нас пока еще не посылают на пожары, изучаем пожарное дело, дежури́м в пожарной части у телефона. (...)

25 февраля. Пока мы обучаемся приемам борьбы с огнем, нам поручают другие, совсем не пожарные дела: ходим по квартирам и выявляем ослабевших от голода (лежачих) или умерших людей и оставшихся без родителей детей. Ох, как трудно и страшно входить в квартиру, которая не отозвалась на стук, а незапертая дверь сама открывается и отвечает мертвой тишиной на мой робкий вопрос: «Есть ли кто живой?». Но входить все равно надо, должна быть проверена каждая лестница, каждая комната. Сведения о слабых и больных ленинградцах в холодных квартирах мы сдаем в райсовет того района, где делали обход. (...)

7 марта. Сегодня забежала к своим и сразу увидела пустой диван. Умерла Евгения Трофимовна. С вечера уснула и не проснулась.

За столом сидела бабушка и ела суп из воробья. Она нашла на улице замерзшую птичку, ошипала ее и сварила с лавровым листом. Я заглянула в кастрюльку - какой же воробушек маленький! С собой я принесла кусочек хлеба с котлеткой, положила его перед бабушкой. Она посмотрела на меня и заплакала, потом отщипнула маленький кусочек и заела воробья.

С черного рынка вернулась мама, и я заметила, что она похудела еще больше. Черты ее лица стали грубыми, почти мужскими. Голод грызет всех беспощадно. Мама устало прилегла на диван. Обменять табак на хлеб ей не удалось, но на деньги она купила творог почему-то черного цвета. Мы не покупаем на толкучке ни котлеты, ни студень - все это может быть из мертвечи́ны. Сашета и мама стали есть эту черную массу, похожую на жирную землю. Я тоже попробовала - никакого вкуса. (...)

9 марта. Шли с занятий по Новосильцевской улице и увидели лежащего на снегу солдата. Он уютно свернулся калачиком, голову положил на ком снега. Мы стояли и сомневались: живой он или мертвый? Вдруг Сережка Иванов пнул его ногой и поморщился: солдат был совсем замерзший, как камень. Откуда он шел? Из госпиталя или в госпиталь и когда успел так промерзнуть? Утром его еще не было. Мне сначала нравился Сережка Иванов, и в первую очередь потому, что он похож на Геню. Такой же беленький, с голубыми глазами. А теперь разонравился за то, что пнул солдатика. Ведь к мертвому тем более надо относиться уважительно. (...)

12 марта. Евгения Трофимовна просила, чтобы мы похоронили ее в отдельную могилу. Для этого она оставила 1,5 кг сахару и золотые часы. Но у мамы уже кончились силы. Аня болеет. И мама отдала Трофимовну в общую могилу на Пискаревское кладбище. Теперь же ужасно переживает, что не исполнила последнее желание умершей. Я пыталась ее успокоить тем, что на могилку к Трофимовне все равно некому ходить, а братская могила, может быть, будет охраняться государством. (...)

28 апреля. Копаем землю вокруг наших барачков. Земля твердая, наверное, сто лет ее топтали, и никогда на ней ничего не росло. Но мы копаем, копаем все подряд. В центре города вскапывают все газеты, скверы - все, все под овощи! Мои на Сердобольской тоже получили участок во дворе дома. Я помогала копать и видела в земле много кирпичной крошки. Вырастут ли овощи? Сашета прикапывает удобрение (фекалии). Она совсем высохла, но не унывает, работает. (...)

15 июня. Только сегодня узнала, что еще в марте умерла Верочка Писакина. Умерла уже на Большой земле от дизентерии. Ее сняли с поезда в Саратове, а легкомысленная мамаша поехала дальше. Господи! Неужели она не понимала, что делается на эвакуационных пунктах?! Сколько там больных и слабых людей, и некому хорошо ухаживать. Что ее несло дальше? Стремление к сытой жизни? Верочка! Моя добрая милая подружка, тебя уже нет. А я так часто думала о тебе, как о живой.

22 июня. (...) Поздно вечером мы с Сашетой видели, как Ляля Никитина, живущая в доме напротив, таскала овощи с чужих грядок. Встанет в дверях, оглядится и - раз на грядку! Подергает второпях - и в дом. Глупая, ведь из окон нашего дома все видно как на ладони.

Ляля не принадлежала к нашей дворовой компании, так как жила в другом доме и гуляла в маленьком садике, огороженном с трех сторон сараями. Этот кусочек земли был превращен жителями небольшого двухэтажного дома в райский уголок. Однажды в щель сарая я видела, как из дома выбежала Ляля в бархатном вишневого цвета платье. Позади шла ее мама с расческой. Ляля, шурясь от ярких солнечных лучей, села на скамейку среди цветущих яблонь, а мама нежно и ласково расчесывала ее золотистые косы. Зимой сорок первого умер Лялин отец, а мать, не выдержав блокадного ужаса, перерезала себе вены. Старший брат, кадровый военный, с первых дней был на фронте. Ляля осталась одна. Сослуживцы матери устроили ее на работу в Геофизическую обсерваторию. В начале войны сломали забор, отгораживавший цветущий садик

от улицы, и мы стали собираться на новом месте под грушей. Но Ляля редко выходила к нам, видимо, не совсем уверенно чувствовала себя в нашей сдружившейся компании. Как ей живется теперь одной в эти тяжкие дни? И разве можно осуждать голодную девчонку за съеденную редиску с чужой грядки? Но предупредить ее надо обязательно. (...)

22 августа. Вчера мне исполнилось 15 лет. Но этот день прошел в обычном дежурстве. Я никому об этом не сказала и домой отпроситься не смогла. Да и что тут особенного? 15 лет - даже паспорта не полагается.

Интересно, как бы мой день прошел, не будь войны? Бабушка испекла бы большой пирог и обязательно купила бы раков. Раки - это любимое лакомство нашей семьи. (...)

15 сентября. У нас в роте говорят, что полк будут расформировывать, а бойцов пошлют на лесозаготовки или в степь ловить одичавших лошадей. И якобы малолеток будут отчислять. Очень не хочется, чтобы эти слухи оправдались. (...)

20 сентября. Я не могла действовать, как Валя, так как мои родители живы (кроме отчима), мне есть, где жить, и меня, конечно, отчислили. И вот я уже не в ПКП, а дома, скучаю и прикидываю, как поступить, куда идти работать.

21 сентября. Мама договорилась с начальством, и меня взяли на оборонные работы. Работать тяжело, хотя грунт песчаный. Копаем рывками - 15 минут работаем, 5 минут отдыхаем. Такой режим позволяет в короткий срок отдать максимум сил, а за отдых - накопить их снова. Вместе со мной работают такие же малолетки, как и я. Работаем мы наравне с взрослыми. За это вечером получаем отдых на топчанах в деревянном скрипучем доме. Желаящие могут здесь переночевать. Мы же с мамой идем домой и несем бабушке Сашете кусочек хлеба.

26 сентября. Сегодня объявили, что оборонные работы на нашем участке подходят к концу. Всех фабричных отзывают на фабрику и мою маму тоже. (...)

30 сентября. Сегодня оформлялась на фабрику. Нас, подростков, оформлялось четверо. Пока женщина из отдела кадров ходила с нами и нашими документами по всем начальникам на фабрике и в райсовете, все время боязливо приговаривала: «Ох, где-нибудь да откажут!». Главной причиной остается наш малый возраст. Наконец нам подписали документы - ура! Я теперь ученица ФЗО! (...)

4 ноября. Как выяснилось, «фабзайчат», в основном, бросают на про-

рыв. Выполняем вроде бы несложное дело, но и оно дается с трудом. Вот уже два дня работаю в ящичном цехе. Мне дают готовые рамки (стенки плоского ящичка), к которым надо маленькими гвоздиками прибить фанерное дно. Кажется, чего проще? Но у меня молоток попадает почему-то по пальцам, а гвозди норовят пройти мимо стенки. Для постоянных цеховых рабочих так это - просто игра. С одного пристука забивают гвозди и, не заглядывая на обратную сторону, ставят ящик на сдачу.

8 октября. Не прошло и недели, а я уже на оборонных работах. Из нашего ФЗО пока направили сюда восемь человек. Работаю на строительстве ДОТа в бригаде с совсем незнакомыми людьми. ДОТ строим на набережной Большой Невки у моста Свободы. Мы, четверо девчат, ломami выковыриваем из панели каменные плиты и переносим их на носилках к месту будущего ДОТа. С работой нас торопят, так как не за горами заморозки и зима. (...)

19 октября. Утром, когда я шла на свой объект, было дождливо и холодно. На дороге, у большой ямы, сидели около костра рабочие. Среди них я узнала Алешку Пиотровского, моего бывшего одноклассника. В то время он был озорным, но добрым и недрачливым мальчишкой. В конце учебного года (еще до войны) я получила от Алешки письмо с предложением дружить. Но долговязый избалованный маменькин сынок не нравился мне, а нравился мне с пяти лет Геня, и я ответила ему обидным отказом. Я чуть не наступила ему на ногу, обутую в грубый сапог, но он меня даже не заметил. Алешка, Алешка! Что пришлось нам пережить! Как далеки мы от тех нас, что учились в 6б классе! (...)

20 октября. Хочу пойти в Лесотехническую академию на танцы, а что надеть? Из своих прежних платьев я давно выросла, да и не годятся они, так как совсем детские.

Обратилась к Люсе Курьяк. Она предложила платье, на мой взгляд, очень неплохое, а главное - недорого. Ей мало, а мне - в самый раз. Сшито оно из шелка вишневого цвета. Рукава, чуть собранные в плечах, доходят до локтя. Лиф с небольшим круглым вырезом, плотно облегает талию, а юбка - клеш. Я оделась и посмотрела в зеркало. Да! Я уже девушка. Из-за своего высокого роста я кажусь старше своих 15 лет. Это хорошо.

Сколько ни будет у меня потом в жизни платьев, это первое взрослое платье не забуду никогда. Я его сразу полюбила. (...)

30 октября. Вчера на объекте (недалеко от больницы Эрисмана) был

сильный артобстрел.Снаряд разорвался недалеко и как раз напротив нашей амбразуры. К счастью, мы, все четверо, были за ней, а вот из бригады, разбиравшей на кирпичи старую ограду, убило бригадира - очень славную девушку Катю. Она была энергичная, веселая и очень хорошенькая. Мне почему-то думалось, что песня «Катюша» именно про нее. И вот на носилки положили что-то окровавленное, не имеющее ничего общего с Катей. (...)

12 ноября. Вот и я прошла этот ад - ночную смену в пятом конфектном цехе (шоколадном). Поставили меня на укладку ирисок в те самые ящички, которые я сколачивала в тарном цехе и от которых у меня до сих пор отметины на пальцах и ногтях. Как ни часто представляла я себе обстановку в пищевых цехах, но даже и вообразить себе не могла все эти груды конфет, которые отделяет от двора кирпичная стена. Конечно, трудно это все представить, если почти год кроме кусочка хлеба, каши-размазни и супа, похожего на разведенную водой кашу, я ничего не видела. Повели нас по цеху на рабочее место, смотрю по сторонам, лежат на столах какие-то коричневые бруски, в чанах такая же масса и никак не могу осознать, что это и есть съедобное. Начала укладывать ириски в ящики. Они соединены между собой тонкими пленками и составляют плитку размером как раз по размеру ящичка. Каждую плитку надо переложить бумажной прокладкой, чтобы они не слиплись, так как еще очень свежие, мягкие и ломкие. Укладываю, укладываю и боюсь конфетку в рот положить. Наконец, попалась плитка со смятым углом. Отделяю раздавленные ириски и заменяю нормальными, ну а брак можно и съесть! (...)

7 декабря. Ко мне теперь часто заходит Ляля. Свою «контрабанду» по-прежнему делю между голодающими. Когда у нас варят суп в большой кастрюле, я стучу в потолок, приглашая к обеду Лялю. С тех пор, как уехала Галя Свиглинская, Ляля у нас самая дистрофичная. Она никогда не говорит о своих близких. Смерть отца и матери, отсутствие вестей от брата обрекли ее на полное одиночество. Вчера к нам зашла Ира Малиновская. После ПКП она работает в детском саду. Выглядит хорошо, выросла и возмужала. Шестнадцатого декабря исполнится год, как умерла ее мама. Вспомнили тот ужасный день, когда мы вином, пока оно не кончилось, продлевали ее жизнь.

28 декабря. (...) Я изменила Ване Рожко, хожу на танцы с Лешей Мустафой. Хорошенькая фамилия! Говорят, он татарин, а по мне - хоть

эскимос. Леша мне очень нравится. Он появился у нас на седьмом этаже недавно в новенькой форме младшего лейтенанта. На внешний вид - ничего: густые черные волосы и белые зубы. Но главное, как он держится: веселый, но не трепливый, вежливый, но не приторный. На мой взгляд - все в меру. Пока мы с ним на «Вы», хотя мне всего пятнадцать (но он этого не знает), а ему девятнадцать.

1943, 2 января. Новый год я провела на фабрике, в штабе. Немного выпили за успехи наших на фронте. Закусывали хлебом с селедкой - невиданная роскошь! Говорят, попалась бочка с селедкой вместо яблочного повидла. Я сменилась в ноль часов тридцать минут - надо было дать Тосе встретить Новый год. На пост она пришла, естественно, вместе с Толиком, а я побежала в штаб. Не спали всю ночь. (...)

18 января. Вечером, сменившись с поста, пришла в штаб. Девчонки где-то раздобыли жидкую, несмываемую губную помаду и намазали губы. Я тоже не отстала. Но если девчонки намазали чуть-чуть, то я, немеха, жирно намочила пробку и так навела, что можно было подумать, будто у меня изо рта идет кровь. Сначала пыталась смыть, а потом, махнув рукой, легла спать. Вдруг будит меня тетя Дина: «Вставай, „красавица“, блокаду прорвали!». Я вскочила, хотела поцеловаться, а она, смеясь, отстраняется: думает - замажу. Все побежали на фабричный двор слушать громкоговоритель. Я тоже побежала, прикрыв рот шарфом. Во дворе собралось много народа - вся ночная смена и штабники. Радость была так велика, что многие плакали. Я впервые поняла, как плачут от радости. Утром привезли наших девчат, временно работавших на ликероводочном заводе. Они отметили там это радостное событие так, что всех вели до нар как больных.

На работу мы шли веселые и счастливые. В цеху то и дело собирались в кучки, обсуждали события. Начальство не ругалось, да его и не было видно. После работы нам объявили, чтобы бойцы команд ПВО собрались в штабе. Даже те, кому положено идти домой. Нас отправили на уборку снега. За сутки его столько намело, что не пройти и не проехать. Наши девчонки с ликероводочного были «больны» и выйти на снег не смогли. Поэтому мы отработали до полночи. Но их никто не ругал, так все были довольны и счастливы. Жаль, не могут порадоваться со мной мои погибшие ребята. Так много счастья и почти не с кем разделить! Думали, немцы от злости забросают нас бомбами, но они притихли. Видно, находятся в шоке.

25 января. Ходили с Лешей в кино, смотрели «Парень из тайги». Перед фильмом демонстрировался киножурнал о прорыве блокады. Когда показывали момент соединения Ленинградского и Волховского фронтов, то в зале, так же, как и на экране, кричали «ура» и бросали вверх шапки.

29 января. Под Сталинградом немцы окружены и разгромлены окончательно! У меня все по-старому. Работаю, дежурю в штабе. Настроение хорошее, да и не только у меня. Леша уехал в командировку. Опять около меня ходит Ваня Рожко. Нет, все напрасно: Леша со мной, даже когда его нет. Жду, когда он появится. Обычно Леша выходит во двор, садится на перила беседки и украдкой поглядывает на наши окна. Скорей бы! (...)

10 апреля. Долго не писала, так как не было никаких особых событий. Не для того я завела дневник, чтобы описывать, как я с парнем хожу в кино или на танцы. Да и хожу не так уж часто. То я на дежурстве, то Леша в командировке. (...)

3 мая. Первое мая отпраздновала так, как и мечтать не могла. Наш директор фабрики Мазур устроил банкет для всех рабочих. Каждый цех убрали и украсили по-праздничному, сделали длинные столы, которые накрыли белыми накрахмаленными скатертями и сервировали, как в хорошее довоенное время. Вокруг ходили официантки и обслуживали не хуже, чем в первом классе ресторана. Было шампанское и еще какое-то красное вино. Водки, по-моему, не было. Угощение состояло из бутербродов с красной рыбкой и копченой колбасой, потом принесли тушеное мясо с картошкой. Выпив бокал шампанского, я очень захмелела, поэтому тихо сидела и слушала тосты наших цеховых руководителей. Было так хорошо, что в одно мгновение мне показалось, что мы празднуем победу. Потом пошли на фабричный двор, где устроили танцы. Я не танцевала, так как у меня еще зимой развалились туфли. Я была в бабушкиных кожаных тапочках и поэтому жалась в сторонке. Но это не испортило мне праздник. А на дворе немного захмелевшие начальники так отплясывали, что любо-дорого было смотреть. Баянист играл все, что просили: русского, цыганочку, барыню и даже кадрили. (...)

6 июня. (...) Мама немного поправилась. У нее завелся дружок Сима, небольшого роста, неказистый мужичок. Теперь на «заработки» в пищевые цеха они ходят вместе. У Симы все погибли зимой 1942 года. Удивительно, как он сам-то уцелел! Уж не объедал ли своих, как это делал отец двух девочек из шестой квартиры? Я его стараюсь не замечать, мама же

обижается, говорит, что Сима очень хороший человек. Ну ладно, будем считать так. Вообще-то ей, действительно, везет на хороших людей.

Налеты с воздуха и обстрелы не прекращаются ни днем, ни ночью. Расположение орудий на высотах позволяет немцам вести прицельный огонь. Из-за этого очень много человеческих жертв. (...)

3 сентября. Услышала по радио, что Художественное Промышленное училище производит дополнительный набор на первый курс. Можно поступить с шестью классами. Бегу в школу за справкой. (...)

22 сентября. Вчера был первый урок живописи. Пока будем писать только акварельными красками. Учитель, на вид болезненный и истощенный человек с красивой бородой и смелой манерой общения (мальчишки тут же прозвали его Шишкиным), попросил сдать ему тюбики с черной краской. «Акварель, - сказал он, - легкая, прозрачная краска, она не терпит черноты и какой-либо мутности. Даже глубокие тени учиться писать без ее помощи». (...)

3 октября. Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами. Волосы у меня послушные, этой прически хватает на всю неделю. На танцы ездим в клуб МВД или в Мраморный только по субботам или воскресеньям. Мне необходимы модельные туфли. Не могу же я все время танцевать в чужих! Решили продать швейную машину (подарок бабушки Кати) и купить хорошие туфельки. Сплю и вижу светлые, изящные, на невысоком каблучке. (...)

20 октября. Наши ребята из НКВД с седьмого этажа переехали в домик, где раньше была парикмахерская. Встречаемся теперь реже, и узнать, где Леша, нет никакой возможности, а от него - ни слуху, ни духу. Думаю, что он потерял ко мне интерес. А я вспоминаю его почти каждый день. Очень хочется увидеться. Ничего не слышно о Леше и от его ребят, а спрашивать я не хочу.

25 октября. Приехала из училища - дома никого, холодно, тоскливо. Затопила печку, с ней, горячей, всегда уютней и веселей. Смотрю на яркое пламя, глаза слезятся, слезы так и текут по щекам. Сижусь, плачу сама не знаю о чем. Прогорели дрова. Стою я в темной комнате, прижавшись к теплой печке, и такое у меня состояние, словно жду чего-то, на душе тревожно. Неужели это по Леше тоска, неужели влюбилась? И так мне захотелось, чтобы он пришел. Леша! Вдруг раздался звонок, и сердце

забилось так часто, что я задохнулась, не могу сдвинуться с места. Потом отворила дверь - на темной лестнице стоял Леша! Я сумела быстро скрыть свои чувства, свое смятенное состояние и спокойно предложила войти. Теперь такое время, что гостя не угощают, так как нечем. Мы сели на диван и проговорили около часа, пока не пришла Сашета.

Говорили так, ни о чем, то есть ни о чем серьезном. Я делала вид, что немного рада его приезду, хотя на самом деле была просто счастлива. Он, как всегда, шутил. Потом Леша ушел, не сказав, когда снова появится здесь, и я не спросила. Когда между нами пробежала черная кошка? Говорят, что разлука гасит маленькую любовь, а большую раздувает еще сильнее. Ну, конечно, откуда было взяться большой любви? (...)

21 ноября. Вчера мельком видела Лешу. Собрались с девочками в кино, пошли на трамвай. Вижу, они себя как-то странно ведут, захотели идти на другую, дальнюю остановку. Пospорили, потом все же пошли на ближнюю остановку к бывшей парикмахерской. Сели в трамвай, и тут Тося мне шепнула, что приехал Мустафа. Я хотела выскочить, но меня прижали к сидению. Смотрю на их дом, а в окне - Лешка, глядит во все глаза, да на другой вагон, меня не видит. Так наши глаза и не встретились. В кино я ничего не видела: передо мной стояло милое, встревоженное лицо Лешки. Ну и подружки! Хотели скрыть от меня его приезд, увезли насильно в кино. А может быть, так лучше? Ведь он почему-то не зашел ко мне.

7 декабря. (...) В воскресенье, от нечего делать, мы с Тосей зашли в красный уголок. Смотрим, а там новые лица - офицеры с погонами артиллеристов. Разговорились.

Оказалось, что их часть расположилась в школе недалеко от нашего дома. Мы познакомились с Володей Филипповым и Женей Сладковым. На следующий день пригласили их ко мне домой. Узнали, что Володя медик, а Женя почему-то химик. В тот вечер у меня была Ляля, и мне показалось, что Жене она понравилась. (...)

18 декабря. Вчера Володя пришел раньше обычного и без Жени. Он признался, что ему с Тосей скучно и он хочет встречаться со мной. (Вот это поворот!) Володя пригласил меня на очередной спектакль в Выборгский Дворец культуры. Вечером я сказала об этом Тосе. Она вздохнула и, как мне показалось, с облегчением.

22 декабря. Встречаемся по-прежнему у меня. Женя Сладков не может прожить и дня без Ляли. Она расцвела и очень похорошела. В этом

году у Ляли большой огород рядом с Геофизической обсерваторией. Овощи, особенно картошка, сыграли немаловажную роль в округлении ее фигуры. Одно плохо: Ляля стала курить, и ее тяга к куреву очень сильна. Постоянное ее желание - найти покурить, так как своего курева у нее никогда не бывает. Хотя Женя не курит, мне он признался, что очень понимает Лялю. Ведь в самые голодные месяцы по карточкам давали табак, и многие стали курить, чтобы заглушить голод. И вот - голубоглазая, с шикарными золотистыми волосами, девчонка с самокруткой во рту важно выпускает дым через курносый носик. «Женя, что же делать, как отучить ее?» - переживаю я. Он отмахивается: «Это не самое страшное».

25 декабря. Володя пригласил меня на фильм «Сто мужчин и одна девушка». Я охотно согласилась, и мы поехали на Невский в кинотеатр «Октябрь». У кинотеатра толпился народ, спрашивали лишний билетик. В фойе было тепло и уютно, играл небольшой оркестр. И тут началось...

Где-то невдалеке разорвался снаряд. Мы почувствовали это по сотрясению здания. Но оркестр играл, люди спокойно слушали. Следующий снаряд упал совсем рядом, вылетели стекла, затрепетали и надулись, как парус, синие шторы. Оркестр перестал играть, но никто не расходился. Вошел администратор и хотел что-то сказать, но разрыв следующего снаряда заглушил его слова. Махнув рукой, он вышел. Я огляделась. Оркестра уже не было, народ устремился к выходу. Я разозлилась, прошла через фойе и демонстративно села у самого окна. Мне так хотелось посмотреть этот фильм с Диной Дурбин!

Володя сел рядом и сказал, что я смелая девчонка. В тишине мы слышали стоны раненых под самым окном кинотеатра. «Сойди вниз и подожди меня», - сказал Володя и побежал оказывать медицинскую помощь. Я долго ждала его, потом не выдержала, прошла через черный ход и пошла к Невскому. На углу чуть не споткнулась об убитых, которых я сначала приняла за грязную кучу снега. Я вскрикнула и попятилась. Не знаю, почему это так напугало меня, ведь за блокадные дни я видела не одну сотню трупов. Вдруг почувствовала, что кто-то взял меня за плечи. Володя! Я обрадовалась ему как родному! Володя рассказал, что один снаряд попал в трамвай, когда он пересекал Литейный проспект; другой разорвался тоже на Невском, у улицы Рубинштейна. Поскольку рельсы были разбиты, и по Литейному трамваи не шли, мы отправились домой пешком.

Каждая серая куча снега, лежащая у тротуара, нагоняла на меня необъяснимый страх. Я невольно пристально всматривалась и, убедившись, что это снег, с облегчением проходила мимо. Конечно, я старалась, чтобы Володя ничего не заметил. У Финляндского вокзала мы сели в трамвай, который шел на Выборгскую сторону, и, наконец, добрались до дома.

28 декабря. Вечером Володя предложил погулять по парку. В городе грохотали непрерывные обстрелы, и ехать туда было просто безрассудно. Мы прошли по парку до самого конца и обратно. Был чудесный зимний вечер. Медленно падали крупные снежинки. Деревья, кусты и провода были выбелены инеем. От легкого морозца снег поскрипывал под ногами, а в воздухе пахло свежестью. Когда мы проходили под фонарем, Володя внезапно обнял и поцеловал меня. Мы прошли еще немного и - опять поцелуй под фонарем! Я не выдержала и рассмеялась... Володя сказал, что у них намечается грандиозная встреча Нового года и что он хочет, чтобы я была с ним. В чем же мне пойти? Туфли есть, а платья нет. Мое единственное вишневое - не по сезону. На помощь пришла Лида Рябцева. У нее много нарядов, она старше меня на два года, и ее родители успели хорошо одеть дочь еще до войны. Теперь эти наряды Лида с радостью дает девочкам, оказавшимся в затруднительном положении. Мне подошло черное бархатное платье с белым кружевным воротничком и такими же манжетами. Спасибо тебе, Лида, за доброту!

Прибежала сияющая Ляля, она тоже идет с Женей встречать Новый год.

1944, 2 января. Какой был Новый год! Я даже в мечтах не могла бы придумать лучшего. Ребята зашли за нами, и я заметила, как заблестели глаза у Володи. Видимо, я ему очень понравилась в бархатном платье. (...)

Пришли в дом. В передней теснота ужасная, пальто и шинели висят горой с двух сторон, еле пролезли между ними. Вошли в комнату и ахнули! Комната - этаж с три наших, метров 45-50. Настоящий зал! Шикарный мраморный камин, у окна елка, а посередине - длинный стол, очень красивый в праздничном убранстве. На столе красиво нарезаны и уложены американская тушенка, колбаса из банок, мясо ломтиками, огурцы и прочие деликатесы. Но это я уже потом разглядела. А когда мы вошли, нам с Лялей сразу подали кресла и стали подходить знакомиться. Из девушек мы были пока одни. Наши ребята куда-то ушли, и мы остались среди незнакомых парней. Один из них уселся у моего кресла

прямо на ковер и стал вести «светскую» беседу. Лялю обступила целая толпа офицеров. Я заметила, как она натянула платье на свои все еще тонкие ножки. Господи, какое внимание! Я думала, что так бывает только в кино. Завели патефон, стали танцевать. Я заметила одного парня, сидящего за столом у стены с очень грустным видом. Подошли новые ребята, появились и девушки. Но теперь никто не знакомился, только здоровались. Офицер на ковре спросил, сколько мне лет. Я сказала, что шестнадцать с половиной. Он с улыбкой покачал головой. Пришел комбат с женой, и все стали садиться за стол. Мы с Володей оказались напротив того грустного парня. Его зовут Саша Романов. Володя шепнул, что у него в оккупации погибли все родные.

Комбат встал, и все затихли. Он сказал несколько слов о нашем победном шествии на фронтах, напомнил, что предстоит еще много боев, и один из них будет очень скоро. Потом поздравил с наступающим Новым годом. Часы пробили полночь, все закричали «ура!». Подняли бокалы. Ну а потом - разговоры, танцы и опять застолье. Женя и Володя все подкладывали нам с Лялей еду, знали, что мы голодные. Но разве накормишь за один раз, если голодали не один год? Я рассматривала людей, сидящих за столом. Володя называл имена своих товарищей, коротко рассказывая о них. Как я поняла, это минометчики. Сейчас у них небольшой отдых перед очередным броском.

Как мне не хотелось, чтобы кончалась эта новогодняя ночь! Но она кончилась, и мы пошли домой. На прощание Володя сказал, что мы обязательно отметим и старый Новый год, если только их не отправят до 13 января. (...)

7 января. Вчера мы уже легли спать, как вдруг звонок. Я накинула свой синий сатиновый халат и открыла дверь. На площадке стоял... Володя. Я замерла от неожиданности. Он вошел в переднюю и как-то робко посмотрел на меня. Оказывается, Володька приехал с попутной машиной. Через час она пойдет назад и прихватит его. Он не захотел пройти в комнату, стеснялся спящей Тоси (он так и не знал, что мы не сестры и живем в разных квартирах), попросил постоять с ним в передней. Мы стояли, прислонившись к комоду, и тихо разговаривали. Удивлению моему не было конца. Ехать два с половиной часа, чтобы часок поговорить с девчонкой, которую и знал-то всего около месяца!

Оказывается, Володя понял, что не сказал мне самого главного, и все думал, как бы исправить дело. А тут машина, вот он и приехал. Володя

признался мне в любви и попросил считать его своим другом и защитником. Я, к сожалению, не смогла искренне ответить на его чувство. Я еще не поняла, разлюбила ли Лешу, и не знала, как сложится дальше моя еще совсем юная жизнь. Я стояла и молчала, а он и не допытывался, ему и так было хорошо. Но вот он одел шинель, поцеловал меня, крепко пожал руку, сказал: «Пиши чаще» и ушел.

Я легла в постель и думала о Володе, Жене, Саше и других знакомых мне офицерах, которые сейчас готовятся к большому бою.

12 января. Получила письмо от Володи. Он пишет: «Привет с фронта! Здравствуй, многолюбимая Галя!!! Спешу передать пламенный привет и массу наилучших пожеланий. Галя, как хорошо вспоминать наши встречи. Ведь это были беспредельные радости и счастье, которого мы, возможно, не скоро опять испытаем. Ты только знай, что у тебя есть друг, который помнит о тебе всегда и везде, в любой обстановке и с нетерпением ждет встречи»... Далее слова песни из кинофильма «Два бойца»: «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз...» и так далее. Далее следует привет маме, бабушке, Тосе и Ляле. О боевых действиях ни слова.

Письмо - воинское, с картинками: боец, показывающий пробитую немецкую каску, и пионер, в руках которого табель с отличными отметками. Посредине написано «отличники», а сверху - «Смерть немецким оккупантам!». Адрес Володи очень короткий - полевая почта 86732.

А за окном - гул артиллерийской канонады. (...)

20 января. Сегодня в почтовом ящике нашла записку с просьбой зайти в госпиталь. Подпись - Саша Романов. Я сразу побежала, но в проходной госпиталя сказали, что сейчас обед, а потом будет тихий час. Пришла второй раз, пропустили. Нашла Сашу, он ранен в руку и в шею. Оказывается, Володя дал ему, на всякий случай, мой адрес. А случай - вот он: госпиталь рядом с нашим домом. Саша рассказал про первое наступление, про то, каким шквальным огнем сметают фашистов «катуши». Когда его ранило, он долго лежал, засыпанный землей и снегом, пока сам не откопался и его не подобрала санитары. «Вообще-то, - сказал Саша, - мне жить не хотелось с тех пор, как получил известие о гибели всей семьи. А когда засыпало, лежу живой в могиле, нет, думаю, еще поживу». Мне показалось, что он стал веселее, оживленнее. Буду к нему заходить.

Дома все по-старому: Сашета сторожит магазин, мама работает в механическом. Дома мама почти ничего не ест, оставляет нам с бабушкой.

И все равно все время хочется есть. Уже освободили Ропшу, Красное Село, Петергоф. Может быть, скоро совсем не будет обстрелов? Такое не укладывается в голове. Неужели совсем не будет?

21 января. Когда Володя уезжал, то подарил мне на память маленькую фотокарточку. В выходной решила нарисовать его увеличенный портрет. Получилось очень хорошо, я даже пожалела, что рисовала на серой бумаге - не ожидала, что так удачно получится. По радио сообщают об освобожденных поселках, немцев выбили уже из Новгорода!

Я представила себе наших ребят, находящихся в непрерывных боях, на холоде, рядом со смертью. «Господи, помоги им», - говорит моя бабушка.

23 января. Пришло третье письмо от Володи. Он пишет, что отправляет так мало писем, потому что писать некогда и негде. С тех пор, как уехал из Ленинграда, не снимал с себя ни валенки, ни шубу. Сейчас находится за двести километров от нас, пишет на ходу, едут быстро и писать неудобно. Как бы мне хотелось хоть несколько дней побыть там, где делают свое святое дело Володя, Женя и другие ребята. (...)

27 января. Могучий голос Левитана: «Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!». Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья.

28 января. По приказу генерала Говорова был дан салют в 24 залпа из 324 орудий. Наш город салютовал войскам Ленинградского фронта. Это привет и благодарность от ленинградцев Володе, Жене и всем, всем, кто нас освободил. Салют был грандиозный. Казалось, что гром и свет от залпов дойдет до фашистов, и так им станет жутко, как никогда еще не бывало. Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Прожектора освещали шпиль Петропавловской крепости, Ростральные колонны и здания у Дворцового моста. Народа было - сколько хватало глаз, многие плакали.

Да, мы пережили много горя, теперь пришло время радостям, а главная радость - еще впереди. И я верю, что окончательную победу уже не долго ждать!